

A futuristic cityscape with a large explosion in the sky and three blue energy beams striking the ground. The city is built on a grid of dark, metallic-looking structures. In the background, a large, bright orange and yellow explosion or fireball is visible against a dark, starry sky. Three blue, energy-like beams descend from the sky, striking the ground and creating a large, glowing red and orange impact. The overall scene is dramatic and action-packed.

ЗОЛОТО И ЖЕЛЕЗО

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Золото и железо

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Золото и железо / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907366-2

Рой Барч, первый землянин, захваченный рабовладельцами-клау и отправленный ими на планету Магарак, должен был решить задачу сверхчеловеческой сложности — найти способ вернуться на Землю и предупредить людей о космической угрозе. Иначе все население его родной планеты могло вскоре оказаться в рабстве у инопланетян.

ISBN 978-5-44-907366-2

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Золото и железо

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-7366-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Лектван Маркель проводил дни в жилище странном и прекрасном, на плече высочайшего утеса горы Уитни. Жилище состояло из шести куполов, трех минаретов и обширной террасы. Купола из почти прозрачного хрусталя, минареты из белой субстанции, напоминавшей фарфор, и окружавшая их терраса из синего стекла были окаймлены балюстрадой с витыми балясинами в стиле рококо, белыми с голубыми прожилками.

С точки зрения землян Маркель – красивый, непостижимый, вызывающий смущение и тревогу – походил на свою обитель. Кожа его сияла глянцевым золотом, утонченно-твердые, точеные черты его лица поражали экзотическими инопланетными пропорциями. Он носил мягкую черную одежду: облегающие бриджи, сандалии, опирающиеся на полвершка воздуха, и плащ, драматически ниспадавший складками и развевавшийся вопреки ветру или отсутствию такового.

Маркель не приветствовал незнакомцев и никому не назначал время и место встречи, но умудрялся, тем не менее, заключать крупные сделки, не прилагая почти никаких усилий. На него работала дюжина агентов – они ежедневно связывались с Маркелем, пользуясь лектванским трехмерным телевидением, создававшим иллюзию беседы с глазу на глаз. Изредка Маркель вылетал куда-то на воздушной яхте, а иногда и сам принимал посетителей-лектванов, слетавшихся из других разбросанных по Земле купольных обителей.

Два его служителя, земляне Клод Дарран и Рой Барч, считали Маркеля церемонным, вежливым, мучительно терпеливым работодателем. Некоторые их обязанности были достаточно знакомы каждому и соответствовали повседневному опыту: им надлежало мыть синюю стеклянную террасу и натирать до блеска воздушную яхту. Другие поручения лектвана казались бессмысленными или лишенными всякой логики. Если служители ошибались, Маркель повторял указания, а Дарран и Барч реагировали на них каждый по-своему, в зависимости от темперамента – Дарран с сожалением приносил извинения, а Барч выслушивал лектвана с мрачной сосредоточенностью.

В психологическом отношении подход Маркеля объяснялся, пожалуй, не столько врожденным убеждением в своем превосходстве, сколько занятостью другими делами. Время от времени он позволял себе снисхождение. Заметив шрам на подбородке Барча, он спросил: «Что случилось?»

«Порезался во время бритья», – объяснил Барч.

Брови Маркеля удивленно взметнулись. Он зашел в купол и вернулся через несколько минут со стеклянной фляжкой, наполненной прозрачной жидкостью: «Натрите этим лицо, и вам больше никогда не придется бриться».

Барч с сомнением поглядывал на фляжку: «Мне говорили о таких вещах. Вместе с бородой стирается вся физиономия».

Маркель вежливо покачал головой: «В данном случае можете не беспокоиться». Уходя, он задержался и обернулся: «Сегодня прибудет корабль, на нем прилетит моя семья. Мы устроим церемониальный прием в одиннадцать часов. Это понятно?»

«Вполне», – чуть поклонился Барч.

«Вам известен ритуал приземления?»

«В мельчайших деталях», – подтвердил Барч.

Маркель кивнул и продолжил прогулку по террасе: пространство под подошвами его сандалий придавало ему пружинящую размашистую походку. Барч направился в комнаты, которые он делил с Дарраном, и осторожно нанес депилятор на поверхность лица. Погладив щеки, он убедился в том, что щетина исчезла.

К нему зашел Дарран: «Похоже на то, что предстоит суматоха. Сегодня прибывает семья патрона – жена и две дочери. Теперь все мы будем ходить на цыпочках – в том числе Маркель».

Барч кивнул: «Я знаю. Он спросил, помню ли я, как складывается балюстрада. Кроме того, он сказал, что прием будет „церемониальным“ – то есть нам придется напялить ливреи». Барч бросил угрюмый взгляд на облегающий зеленый комбинезон с голубым жилетом: «В этих рейтузах я чувствую себя как балетный танцор». Вручив Даррану фляжку, он прибавил: «Если хочешь быть красивым, натри физиономию этим зельем. Это подарок Маркеля – депилятор, безвозвратно удаляет бороду и усы. Если бы он подарил нам литров пятьдесят, мы уже стали бы миллионерами».

Дарран взвесил фляжку в руке: «Может быть, это намек? Мы выглядим обросшими пьянчугами?»

«Если бы это был дезодорант, я бы тоже так подумал».

Дарран взглянул на часы: «Пол одиннадцатого. Пора натягивать мундиры».

Когда они вышли на посадочную площадку, Маркель уже стоял у балюстрады. Оценив внешность служителей мимолетным взглядом, лектван надвинул на лоб козырек фуражки и отвернулся, обозревая южную панораму.

Прошло несколько секунд. Из неба бесшумно и плавно спустился глянцевый шар, расцвеченный красными, золотистыми, голубыми и серебристыми разводами. Шар быстро увеличивался в размерах, блестящие расплывчатости кружились и перемигивались. Барч и Дарран нагнулись над балюстрадой, нащупывая выключатели автоматических упоров. Балюстрада погрузилась в синее стекло, и над террасой сразу пронесся порыв холодного ветра.

Громада космического шара нависла над головами; цветные пятна всплывали и сливались на нем, как радужные пленки на мыльном пузыре. Корабль осторожно опустился на террасу и словно прилип к синему стеклу.

В сферическом корпусе раскрылся арочный портал. Маркель стоял неподвижно, как статуя; Дарран и Барч смотрели во все глаза, замороженные невиданным зрелищем.

Из звездолета вышли пятеро лектванов: две женщины, двое мужчин и маленькая девочка, весело подбежавшая к отцу по террасе. Маркель издал приветственное восклицание, высоко поднял ребенка одной золотистой рукой, а другой обнял двух женщин. Последовал краткий обмен отрывистыми фразами на лектванском наречии, после чего Маркель опустил девочку и провел прибывших в ближайшую ротонду.

Из портала выскользнули двенадцать контейнеров – каждый из ящиков опирался, подобно сандалиям Маркеля, на вершок воздуха. Барч и Дарран стали проталкивать контейнеры, один за другим, под служебный купол.

Портал закрылся, цветные разводы на поверхности шара яростно вскипели. Сферический звездолет приподнялся над площадкой и устремился, быстро ускоряясь, на восток.

«Вот и все, – заметил Дарран. – Родня хозяйина явилась во плоти». Он сделал паузу, но Барч не соблаговолил высказать какое-либо замечание. Служители подняли выдвижную балюстраду. «Надо полагать, та, что постарше – его жена, – задумчиво рассуждал Дарран, – а две другие – дочери».

«Милый ребенок», – отозвался Барч.

Дарран вопросительно приподнял бровь: «Как насчет второй дочери?»

Барч взялся за угол очередного контейнера: «Красавица! Что еще можно сказать?» Оглянувшись, он бросил мимолетный взгляд на ротонду: «Все равно она не от мира сего – как глубоководное чудо-юдо какое-нибудь».

Дарран пожал плечами: «Чуда-юда хорошо платят за все, что покупают на Земле. Они опередили нас на несколько столетий. Теперь мы строим звездолеты, руководствуясь научными принципами, о которых даже не подозревали. Их лекарства свели на нет детскую смертность...»

«Это не наша наука и не наша медицина».

«Но они нам помогают, не так ли?»

«Ни к чему насаждать на Земле то, что не создано на Земле».

Дарран с любопытством покосился на напарника: «Если тебе так не нравятся лектваны, зачем ты устроился на работу к Маркелю?»

Барч встретился с ним задумчивым взглядом: «Я мог бы задать тебе тот же вопрос».

«Я на него работаю потому, что могу здесь чему-нибудь научиться».

Барч резко отвернулся: «Ты слишком просто смотришь на вещи. Ты хочешь им понравиться, для тебя это важно».

«Конечно. На добро отвечают добром».

«По-твоему, лектваны отвечают тебе добром? Может быть, Маркель как-нибудь заглянет к тебе вечерком, чтобы покалякать и выпить пива? – Барч раздраженно крикнул. – Держи карман шире! Они – лектваны, а мы – быдло».

«Не спеши, всему свое время, – возразил Дарран. – Мы все еще не понимаем друг друга, но времени у нас предостаточно. Лектваны не позволяют себе ничего лишнего – хотя, конечно, держатся отстраненно».

Яркие карие глаза Барча вспыхнули: «Пройдут несколько лет – и что тогда? На Земле мы неплохо справлялись сами, жизнь понемногу улучшалась. Мы развивались по-своему – доморощенным, естественным образом. Неужели ты не понимаешь, что с нами будет? Еще несколько лет такого знакомства, и для нас все будет кончено. Мы станем бесполезными для лектванов – они от нас избавятся – и дела на Земле пойдут гораздо хуже, чем раньше».

«Оптимистом тебя не назовешь! – Дарран подтолкнул контейнер ко входу служебного купола. – Но посмотри в лицо действительности. Лектваны прибыли. Мы не можем перевести часы назад и вернуться в прошлое. И зачем туда возвращаться? Нынешнее положение вещей нам во многом полезно и выгодно».

«И лектваны будут решать, что именно для нас полезно?»

Дарран покачал головой: «В лектванских школах земляне учатся всему, что хотят узнать».

«Но прежде всего они учатся говорить по-лектвански».

Дарран рассмеялся: «А чего бы ты хотел? Чтобы они преподавали по-английски?» Даррана такая перспектива исключительно позабавила: «Ты смотришь в бинокль с обратной стороны! Может быть, тебе следовало бы посетить их планету. Это помогло бы тебе изменить точку зрения».

«Если я когда-нибудь и отправлюсь на Лектву, то исключительно для того, чтобы узнать, как отвадить этих золоченых снобов от Земли!»

Маэркль-Элакзд – или «Маркель», как его звали на Земле – стоял в ожидании своей супруги Тшер и дочерей, Комейтк-Лелианр и Сиа-Спедз, глядя сквозь прозрачную стену южного салона на пустынные просторы внутренней Калифорнии. На нем не было плаща; вечерний солнечный свет придавал красноватый медный оттенок его золотистой коже.

У него за спиной послышался поспешный легкий топот: прибежала босая Сиа-Спедз в узорчатых штанишках с белыми помпонами на бедрах. Волосы девочки – тончайшие платиновые нити, полированные и навощенные – были разделены пробором посередине и на бегу разлетались игривыми всплесками над ушами. Приподнявшись на цыпочки, она прислонилась ладонями и лицом к хрустальной стене: «А где другие купола? Мы здесь одни?»

Маркель погладил ее по голове: «Нет, по всей Земле рассредоточены другие агентства».

«И они всегда на вершинах гор?»

«Да – таким образом обеспечивается уединение, скрывающее нас от назойливого любопытства». Он обернулся – подошли его жена и старшая дочь, обе в длинных белых платьях без

украшений. Прическа Тшер напоминала глянцево-серебристую купальную шапочку. Ее старшая дочь, Комейтк-Лелианр, предпочитала высокий начес, колебавшийся над головой подобно языку серебряного пламени.

Подчиняясь незаметному сигналу Маркеля, из пола выросли две софы из самоадаптирующегося белого пеноматериала: «Полет обошелся без неприятностей?»

Комейтк-Лелианр поморщилась: «Все было хорошо, пока мы не погрузились в Большое Пылевое облако. Клау расставили сети, пришлось остановиться».

Маркель, присевший на софу, заметно встревожился: «И что же?»

«К звездолету прилепился катер, чтобы произвести обыск на борту».

«Но зачем? Почему?»

«Нам сказали, что с Магарака сбежала дюжина ленапи. Клау разозлились и делали все возможное, чтобы беглецы не добрались до Лено».

«Конечно. Для империи клау это стало бы непростительным унижением, – пробормотал Маркель. – А дальше что?»

«Капитан проявил похвальное присутствие духа. Он включил передатчик синаптических сигналов, вызывающих у клау тревогу, и они удалились уже через пять минут».

Маркель продемонстрировал понимание ситуации лектванским физиономическим эмоциональным символом – сложным сочетанием движений бровей, глаз и ресниц – после чего дал понять, опять же бессловесным «языком бровей и глаз», что желает сменить тему разговора. Повернувшись к Сиа-Спедз, он спросил: «Как у тебя продвигается накопление жизненного опыта?»

Девочка пошевелила пальцами ног: «Все хвалят мои способности. Я выучила одиннадцать первичных стилизаций и три альтернативные: „улыбчивый рассвет“, „игривого котенка“ и „нелюдимку“».

«Превосходно!»

«Она умеет подниматься на сандалиях выше семикратного роста, – с прихотливой гордостью заметила Тшер. – И сама управляла солнечным планером над Мирском – облетела всю луну и вернулась».

«На Земле ей придется быть осторожнее, – заметил Маркель. – Здесь лектваны не всегда и не везде популярны».

«Почему? – с недоумением спросила Сиа-Спедз. – Разве мы им не помогаем, разве мы их не учим в лектванских школах?»

Маркель мягко улыбнулся: «Земляне долго считали себя единственной разумной расой во Вселенной. Прибытие лектванов нанесло удар их самолюбию».

Сиа-Спедз продолжила перечисление своих достижений – с оттенком некоторого сомнения в голосе: «Кроме того, я запомнила все лектванские царства и династии, начиная с доисторического короля Фальдера».

«Там, внизу, на равнинах Земли, ты найдешь туземцев, достигших примерно того же уровня культурного развития».

«Лелианр больше интересуется такими вещами».

Маркель повернулся к старшей дочери: «Время летит, как метеор в ночном небе! Не могу поверить, что ты уже закончила первый курс. Что теперь?»

Комейтк-Лелианр ответила в стиле «сдержанного советника»: «Меня привлекают несколько направлений. Примитивная антропология, а также экспериментальная кулинария. Недавно я синтезировала сахар очень приятного вкуса – произведены и распределены уже несколько тонн этого продукта».

Маркель рассмеялся: «Если хочешь испытать новые экзотические вкусовые ощущения, попробуй кое-какие земные блюда».

Лицо Комейтк-Лелианр подернулось гримасой отвращения: «Пожиратели живой плоти!»

«Земляне поглощают также большое количество продуктов растительного происхождения».

«В том и в другом случае они убивают, чтобы жить».

«Фундаментальная безнравственность, которую, насколько я понимаю, они не осознают. Так или иначе, их раса способна синтезировать только простейшие углеводороды».

«Надо полагать, им нужно чем-то питаться».

«Земляне не во всех отношениях примитивны. Если ты намерена продолжать исследование протокультур, здесь тебе встретятся неожиданные достижения».

Комейтк-Лелианр слегка пожала плечами: «Я еще не выбрала постоянную специализацию. Мне некуда торопиться».

Сиа-Спедз воскликнула: «Смотрите! Там, снаружи – два землянина!»

Стилизация Маркеля изменилась: «Это мои слугители – очень способные молодые люди».

«Я их представляла себе совсем не такими», – задумчиво заметила Комейтк-Лелианр.

«Тот, что с кожей потемнее, кажется покладистым, – отозвалась Тшер. – У другого какое-то бремя на душе».

«Так оно и есть, – сказал Маркель. – Рой испытывает неприязнь к лектванам».

Тшер покачала головой: «Если бы вместо нас на Землю прибыли клау, у него было бы гораздо больше оснований для неприязни».

«У него есть на то основания, главным образом личного характера. Его отец был ученым. Рой надеялся следовать по стопам отца. С ранней молодости он прилежно изучал общепринятые тогда методы. А потом прибыли лектваны, и во мгновение ока все усилия его жизни оказались никчемными. Почти все, чему он научился, не соответствовало действительности, а остальное, с учетом знаний, накопленных лектванами, безнадежно устарело или стало выглядеть, как детские забавы. Рой очень огорчился, даже озлобился».

Комейтк-Лелианр разглядывала спину Барча: «Его можно понять».

«Но почему он не учится на Лектве?» – не понимала Сиа-Спедз.

Маркель переводил взгляд с Барча на Даррана и обратно: «В конце концов он может смириться с такой необходимостью. Но в данный момент его отвращает перспектива многолетнего обучения тому, что уже знают дети в возрасте Спедз».

«У другого слугителя более приветливое лицо, – сказала Тшер. – Как его зовут?»

«Это Клод. Он практичнее Роя и, в целом, не столь эмоционален. Я собираюсь включить его в состав следующей группы, командированной на Лектву».

«А Рой?»

«До сих пор он не проявлял желания покинуть Землю».

В салон зашли два гостя Маркеля – он поднялся на ноги: «Вы успели освежиться?»

«О да, мы выкупались и отдохнули. Из вашего купола открывается великолепный вид».

Маркель кивнул: «На мой взгляд, Земля – один из красивейших миров. Вы заметили, наверное, долину на северо-востоке, словно расписанную сотнями пастельных тонов?»

«Она восхитительна!»

«Восхитительна – и смертельна. Туземцы так ее и называют: Долина Смерти».

Глава II

Барч и Дарран сами готовили себе еду, пользуясь провизией, которую доставляли вертолетом каждую субботу. В общем и в целом их обязанности носили почти символический характер; по утрам, после мытья террасы, у них оставалось много свободного времени. Дарран использовал это время, изучая лектванскую грамматику и прослушивая предоставленные ему Маркелем звукозаписи произношения лектванских слов и фраз. Барч что-нибудь читал или просто угрюмо загорал на солнышке.

В связи с приездом семьи Маркеля нарушился установившийся порядок вещей. Утром следующего дня после прибытия на Землю Сиа-Спедз подружилась с Дарраном, спросив его, почему он носит ботинки, а не сандалии на воздушной подушке.

Дарран откровенно объяснил: «Прежде всего, у меня нет таких сандалий. Во-вторых, если бы я попытался в них ходить, я тут же растянулся бы на террасе, потеряв равновесие».

«Но это совсем не трудно! – возразила Сиа-Спедз, тщательно и правильно выговаривая английские слова. – По меньшей мере, пока не поднимаешься слишком высоко».

«Не понимаю – почему ходить по воздуху проще, если держаться ближе к поверхности?»

«Силовое поле распределяется в форме пирамиды. Чем ближе к земле, тем больше отношение площади основания пирамиды к ее высоте. Чем выше идешь, тем больше сужаются силовые опоры и тем труднее становится сохранять равновесие».

«Ага! – сказал Дарран. – Тогда почему же вы не делаете сандалии помощнее, позволяющие расширять основание силовой пирамиды, поднимаясь выше в воздух?»

«Не знаю. Наверное, потому что тогда было бы не так забавно ходить по воздуху».

«Я думал, что лектваны во всем руководствуются только практическими соображениями», – заметил Дарран.

«Не всегда и не во всем. Полностью прагматической расой можно назвать только клау. У них все планируется в строгом соответствии с предназначением, независимо от того, нравится ли это другим. На планетах клау никто никогда ничему не радуется».

«Неужели? И кто такие эти клау?»

«Враги. Ужасные люди с красными звездами в глазах». Но Сиа-Спедз больше интересовалась демонстрацией навыков использования сандалий: «Смотри!» Она поднялась высоко в воздух так, словно всходила по невидимой лестнице, после чего принялась весело бегать туда-сюда над головой Даррана: «А теперь я еще выше поднимусь!»

«Будь осторожна!» – Дарран ходил под ней, подняв руки, чтобы в случае чего поймать оступившуюся девочку.

«Выше не могу, – призналась наконец Сиа-Спедз. – Здесь уже ноги дрожат».

«Тогда лучше спускайся. Я начинаю нервничать».

Девочка спустилась: «А почему ты не попросишь Маркеля подарить тебе пару сандалий?»

Дарран пожал плечами: «Выпрашивать подарки невежливо».

«Но если ты не говоришь о том, чего хочешь, об этом никто не узнает!»

Дарран рассмеялся: «Значит, лектваны так-таки руководствуются практическими соображениями!»

«Может быть и так – в конечном счете. В любом случае, я сама подарю тебе пару сандалий».

«Если ты будешь раздавать слугам лучшую обувь отца, тебя отшлепают».

Сиа-Спедз хихикнула: «Какие странные вещи ты говоришь!»

Барч, облокотившийся на балюстраду, обернулся: «Я тоже думаю, что Дарран говорит странные вещи. Кроме того, он умеет играть в самые разные игры. Попроси его научить тебя играть в классики».

«В классики? – Сиа-Спедз взглянула на Даррана. – Что это такое?»

«На Земле девочки играют в классики».

«И ты знаешь, как в них играть?»

Дарран почесал щеку: «Рой играет в классики гораздо лучше меня».

«О нет! – возразил Барч. – Кто вчера выиграл? Ты!»

«Покажи мне, Клод!»

Барч присел на скамью: «А я прослежу за тем, чтобы не было никакого надувательства». Протянув руку, он поднял лежавший рядом «Лектванский разговорник» Даррана, открыл его на первой странице и просмотрел предисловие:

«В связи с характерным для него обилием сочетаний согласных, лектванский язык воспринимается землянами на слух как труднопроизносимый. Это обстоятельство нуждается в пояснении. Прежде всего, лектванский лексикон содержит огромное количество слов – в некоторых случаях сотни синонимов выражают варианты одной и той же основной идеи. Поэтому лектваны не нуждаются в многословных околичностях – их речь замечательна логической простотой ее декларативных форм.

Еще одной особенностью лектванского языка является тот факт, что каждое слово может иметь множество различных смысловых оттенков, в зависимости от «стилизации», используемой говорящим лицом – или даже его собеседником. Существуют более ста «стилизаций», из которых шестьдесят две считаются «основными», а другие – «альтернативными». Каждый совершеннолетний лектван умеет пользоваться всеми основными стилизациями и большинством альтернативных. Лектван выражает стилизацию речи движениями глаз, бровей и ресниц. Весьма приблизительной аналогией лектванских стилизаций речи могут послужить маски древнегреческих актеров, обозначавшие эмоциональные состояния».

Барч отбросил разговорник на скамью – он пришел к тому выводу, что изучение лектванского языка само по себе потребовало бы приложения усилий на протяжении всей жизни. Тем не менее, дети лектванов, по-видимому, усваивали тонкости родной речи без особого труда. Он наблюдал за тем, как Сиа-Спедз сосредоточенно выслушивала инструкции Даррана. Сколько «стилизаций» она уже умела использовать? Умная, восприимчивая девочка. Тысячи лет естественного – и, вероятно, евристического – отбора несомненно повысили интеллектуальный уровень расы лектванов. Интеллектуальный уровень, а также, как тут же продемонстрировала вышедшая на террасу Комейтк-Лелианр, уровень красоты.

Барч тайком наблюдал за тем, как старшая дочь Маркеля подошла к балюстраде и облокотилась на нее. Он знал, что у лектванов не было запретов или внутренних ограничений, связанных с наготой. На девушке были только пара сандалий и короткая юбочка. Барч чувствовал, как по всему его телу разливается теплота. Инопланетянка, существо из далекого чужого мира... тем не менее, какой чудесной, живой, грациозной и чистой она выглядела!

Комейтк-Лелианр словно почувствовала его взгляд и быстро обернулась. Барч виновато отвел глаза, но почти сразу же снова посмотрел на девушку, теперь стоящую спиной к балюстраде. «Оценивает внешность дикаря, – с горечью думал Барч. – Я – первый землянин, оказавшийся поблизости».

Комейтк-Лелианр вежливо сказала: «Я вижу, что вы изучаете наш язык. Вы находите его трудным?»

«С первого взгляда он выглядит сложным, – ответил Барч. – Надо полагать, лектванский язык может служить уроженцу другой планеты замечательным средством самовыражения, если им можно овладеть, не начиная обучение с раннего детства».

На лице девушки отразилось любопытство. «Она ожидала, наверное, что я стану рычать, как медведь!» – гневно подумал Барч.

«Разве вы не тот из служителей, которому не нравятся лектваны?» – спросила Комейтк-Лелианр.

Барч удивленно прищурился и ответил, тщательно выбирая слова: «Я не возражаю против лектванов в той мере, в какой не возражаю против любых человекообразных существ».

«И это все, что вы чувствуете?»

«Я не думаю, что в конечном счете Земле будет полезно присутствие на ней лектванов».

«Как вас зовут?» – спросила Комейтк-Лелианр.

«Рой Барч, – грубовато выпалил он. – А вас?»

«Комейтк-Лелианр».

«Ммф... Что означает это имя?»

Девушка рассмеялась: «Почему имя должно что-то означать?»

«Для представителей высокоразвитой цивилизации – каковыми вы очевидно себя считаете – было бы естественно, казалось бы, использовать имена, отражающие профессию, происхождение, какую-нибудь информацию идентифицирующего характера».

«Тск! – Комейтк-Лелианр прищелкнула языком; Барч распознал движение ее бровей как свидетельство изменения стилизации. – Чудовищная идея: всеобщая регламентация, единообразие номенклатуры! У вас сложилось совершенно неправильное представление о лектванах».

«Не в большей мере, чем ваше представление о нас», – проворчал Барч.

Комейтк-Лелианр усмехнулась: «А ваше имя что-то означает?»

«Нет».

«Я хотела бы попросить вас об одолжении», – сказала дочь Маркея.

«С вашей стороны незачем меня просить. Мне платят за услуги – вам достаточно приказывать».

«Меня чрезвычайно интересует психология инопланетных рас. Вы не будете возражать, если я подвергну вас психометрическому анализу?»

«А! – с горечью воскликнул Барч. – Теперь все ясно. Мне предстоит служить одним из ваших подопытных субъектов... Характеристики типичного земного варвара. Может быть, вы пожелаете сфотографировать меня в традиционном боевом шлеме? Или сделать запись ритуальных плясок и песнопений моего племени?»

«Это было бы замечательно! – отозвалась Комейтк-Лелианр. – Но... разве у вас есть при себе соответствующие регалии?»

Барч уставился на девушку – не могло быть сомнений в том, что она не шутила: «Завтра вечером мы собираемся устроить на Сансет-бульваре каннибальскую оргию под предводительством шаманов. Если вы потихоньку повиснете над толпой в сандалиях на воздушной подушке, возможно, вам удастся запечатлеть поистине сенсационную сцену».

Брови девушки дрогнули – она заинтересовалась: «В самом деле, я хотела бы посетить одну из таких церемоний».

«Что ж... – задумчиво протянул Барч. – Вам придется переодеться, чтобы не выделяться. Если вы покроете кожу тальком, вас вполне можно будет принять за калифорнийскую любительницу позагорать на пляже. Тем не менее, я посоветовал бы не слишком обнажаться. В данный момент ваш наряд, с земной точки зрения, выглядит провокационно».

«Не совсем понимаю, что вы имеете в виду».

Барч отвел глаза в сторону: «Не знаю, как это объяснить... меня вы тоже провоцируете».

«В таком случае, что мне следует надеть?»

«Вы не шутите?» – Барч опасно покосился на инопланетянку.

«Ни в коем случае. Где этот Сансет-бульвар?»

«Я мог бы взять вас с собой», – с сомнением произнес Барч.

«Это было бы очень полезно».

Барч напряженно размышлял: «А как мы туда доберемся?»

«На воздушной яхте. Как еще?»

«И ваш отец не надает мне по шее?»

«Как вы сказали?»

«Он не будет возражать?»

«Конечно, нет – почему бы он стал возражать?» Кодейтк-Лелианр серьезно прибавила: «Пожалуйста, учитывайте, что я, вполне возможно, выберу антропологические исследования в качестве профессиональной карьеры».

Барч кивнул: «Очень хорошо – договорились!»

«Но какой костюм мне лучше всего надеть?»

«Что-нибудь, что закрывает тело от плеч до колен. Если причесать ворох, торчащий у вас на голове, вы, пожалуй, сойдете за то, что у нас называют „блондинкой с платиновым отливом волос“».

Дарран зашел к Барчу, когда тот повязывал галстук: «Куда ты собрался? И для чего тебе понадобился этот символ принадлежности к бомонду?»

«Мне назначила свидание дочь босса».

Даррану пришлось присесть: «Даже так? Ты намерен играть в классики на террасе в вечернем костюме с галстуком?»

«О нет, дорогой мой! Я намерен играть в „кто кого поймает“ с неотразимой соблазнительницей – и не на стеклянной веранде, а по всему побережью, вплоть до Сан-Франциско».

Дарран ошеломленно откинулся на спинку стула: «Невероятно!»

«Вполне вероятно – если учитывать все предпосылки. Она интересуется колоритными обычаями туземцев и думает, что в Лос-Анджелесе ее ожидают человеческие жертвоприношения и дионисийская оргия в честь богини плодородия».

Дарран вздохнул: «Что только не придумают некоторые, чтобы обратить на себя внимание девиц... И куда ты ее отвезешь? Или она отвезет тебя?»

«Понятия не имею. Надеюсь, ей понравятся салуны Эмбаркадеро или веселая толпа у лодочных причалов, – Барч иронически поморщился. – Всему есть предел – даже я не лишен уважения к себе».

«В Фэйрмонте она соскучится».

«Скорее всего. Никакого кровопролития, никаких колоритных обрядов».

«В крайнем случае всегда остается бар Прохвоста Келли».

«Верно! – согласился Барч. – Келли не подведет». Он застегнул пиджак: «Что ж, я пошел».

«Желаю удачи! – отозвался Дарран. – Но не слишком искушай судьбу».

Барч обернулся и смерил коллегу ледяным взглядом: «Что ты имеешь в виду?»

«Ничего особенного, – мягко ответил Дарран. – Всем известно, что ты – прирожденный искатель опасных приключений. Ты явно что-то задумал, и эта затея может выйти боком».

Барч раздраженно вышел на террасу и задержался, глядя в ночную мглу. Его ладони вспотели, руки непроизвольно напряглись. Дарран был недалеко от истины. Барч чувствовал себя, как юнец, идущий на первое свидание – но перспектива провести вечер с земной девушкой не вызвала бы такую тревогу даже у робкого подростка.

Медленно пройдясь вдоль балюстрады, он остановился напротив главного хрустального купола. Внутри были лектваны – существа с далекой планеты. Что от него ожидалось? Следовало ли постучаться и попросить, чтобы позвали девушку? Или он должен был ждать снаружи, пока она не появится? Барч злобно выругался сквозь зубы: где оно, его хваленое самоуваже-

ние? Он был не хуже любого лектвана – в конце концов, на Земле лектваны были незваными гостями, а гостям подобало соблюдать обычаи хозяев.

Он воинственно направился к куполу, но в последний момент остановился. Постучать? Или позвонить? Где кнопка звонка?

В полупрозрачной толще хрусталя забрезжил свет. Барч отступил на пару шагов. На террасу быстро вышла Комейтк-Лелианр – в сопровождении отца и младшей сестры, возбужденно подпрыгивавшей, как маленькая собачка.

Маркель говорил по-лектвански: «Думаю, ты будешь разочарована. Но, конечно, ничто не должно препятствовать твоим исследованиям».

«Я тоже хочу поехать!» – взмолилась Сиа-Спедз.

«Одного антрополога в нашей семье более чем достаточно», – возразил Маркель. Повернувшись к Барчу, он прибавил по-английски: «Рой, проследите за тем, чтобы она не сделала ничего, что могло бы привести к нежелательным последствиям».

«Тск! – Комейтк-Лелианр непринужденно направилась к повисшей над террасой воздушной яхте. – Рой, пойдете!»

Барч последовал за ней со всем возможным достоинством.

Комейтк-Лелианр нырнула в кабину яхты. Рой Барч залез туда же. На девушке был белый комбинезон с орнаментом из черных ромбов, похожий на костюм арлекина. В таком виде она не могла остаться незаметной, но по меньшей мере вокруг нее не стали бы собираться зеваки.

У ветрового стекла кабины в воздухе плавал небольшой серебристый шар, пронзенный черной рукояткой. Комейтк-Лелианр взяла этот шар – и машина вознеслась в небо. «Теперь куда?» – спросила девушка.

По мнению Барча, прежде всего нужно было поставить дальнейшие взаимоотношения на надлежащую основу: «Покажи, как управлять этим аппаратом».

Удивленно подняв брови, девушка впервые повернулась к нему лицом. На какое-то мгновение Барчу показалось, что лектванка собирается вежливо проигнорировать его требование, но она передала ему серебристый шар. «Этот стержень, – она притронулась к черной рукоятке, воткнутой в шар, – отображает ось, перпендикулярную палубе яхты. Наклоняя шар, вы наклоняете яхту. Перемещение шара вверх приводит к кумулятивному ускорению подъема яхты, воспрепятствовать которому может только перемещение шара вниз. Черный стержень контролирует скорость. Вжимая стержень в шар, вы ускоряетесь. Вытягивая стержень из шара, вы тормозите».

«Невелика наука. А где индикатор высоты?»

«Здесь, – девушка указала на строку угловатых черных символов, ползущую по бледно-серой полоске. – Это альтиметр и спидометр. Зеленый кружок посередине – символ летательного аппарата. Тень под кружком отображает профиль ландшафта прямо по курсу. Чем ниже летит яхта, тем больше становится зеленый кружок. Когда яхта приземляется, край зеленой окружности касается черного поля».

Барч кивнул: «Все это достаточно просто».

Пару секунд она внимательно наблюдала за ним, после чего спросила: «Куда мы направляемся?»

«В бар Прохвоста Келли – он на другом берегу залива, напротив Сан-Франциско. Или ты хотела бы полюбоваться на более пристойное ночное времяпровождение туземцев?»

«В том, что касается выбора любопытных явлений, мне придется положиться на ваше суждение».

«Мне трудно о чем-либо судить, не разобравшись в твоём умонастроении. Сколько тебе лет?»

«Пятьдесят два года». Заметив явное изумление Барча, она пояснила: «В земном летоисчислении это соответствует примерно двадцати годам».

«Твое имя почти непроизносимо, – сказал Барч. – Я буду звать тебя „Эллен“». В полутьме кабины трудно было определить выражение ее лица: «Как вам угодно».

На полоске альтиметра появился зубчатый черный график прибрежных холмов.

Под ними распростерся длинный ковер огней: Сан-Леандро, Окленд, Беркли. Барч пролетел над побережьем залива на высоте примерно трехсот метров, после чего повернул направо и вниз, к авеню Сан-Пабло: «Думаю, там найдется свободное место, где можно будет оставить яхту. Да, вот здесь!»

Он опустил машину за вереницей эвкалиптов: «Приступим к нашей экскурсии».

Из бара Прохвоста Келли по всей улице разносилась громкая бесшабашная музыка.

«Любопытный ритм, – заметила Комейтк-Лелианр. – Надо полагать, местные жители исполняют интерпретационные танцы с примесью сексуального символизма».

«На этот счет ничего не могу сказать. По меньшей мере, их танцы энергичны. Но я в самом деле хотел, чтобы ты послушала эту музыку – может быть, ты ничего такого раньше не слышала».

Девушка прислушалась: «Восьмиголосие, насколько я понимаю?»

Рой Барч наставительно возразил: «В ансамбле только семь инструментов».

«Но один из них – по звучанию напоминающий арфу – играет в два голоса».

«А, фортепиано! – Барч внезапно огорчился. – Так что же, зайдем туда?»

Он провел ее к столику в полутемном углу. Семь человек на эстраде играли на трубе, тромбоне, кларнете, фортепиано, барабанах, банджо и тубе – играли блестяще и выразительно, с вызывающей возбуждение живостью.

Наклонившись к уху лектванки, Барч сказал: «Это джазовый ансамбль „Йерба буэна“. Они играют пьесу под названием „Усталый блюз“».

«Мне она вовсе не кажется усталой».

«Нет, конечно – это скорее шуточное наименование», – Барч повернулся к эстраде.

Музыка достигала кульминации: труба звенела, как источник чистой металлической энергии, тромбон отвечал темными, грубоватыми и хриловатыми тонами, кларнет взлетал пассажами, как огненная птица. Прозвучал заключительный смешанный аккорд, подчеркнутый слепящим взрывом тарелок; слушатели вздохнули, высвобождая напряжение – каждый по-своему.

Барч спросил у девушки-лектванки: «Что ты об этом думаешь?»

«Громкая, эмоционально насыщенная музыка».

«Это музыка нашей эпохи! – с лихорадочной настойчивостью произнес Барч. – Она отражает присущее нам стремление к достижению новых рубежей. Джаз – лучший пример современной раскрепощенной изобретательности».

Комейтк-Лелианр слегка наклонилась над столом: «Судя по всему, вы мыслите символическими образами – не так ли?»

«Не знаю, – нетерпеливо отозвался Барч. – Это не имеет значения. Разве ты не можешь забыть о примитивной антропологии на какое-то время?» Он заметил, как дрогнули ее брови, и с горечью сказал: «Ты это делаешь машинально».

«Что именно?»

«Переключаешься от одной „стилизации“ к другой. Находишь роль, наилучшим образом соответствующую обстоятельствам, и входишь в эту роль».

Девушка нахмурилась: «Никогда не думала об этом с такой точки зрения».

Барч досадливо взмахнул рукой: «Забудь об этом! Слушай музыку. Я для того сюда тебя привел».

Комейтк-Лелианр прислушалась: «Очень интересно! Но мне эти звуки режут уши. Они слишком откровенны, не оставляют места для компромисса».

«Нет, нет!» – воскликнул Барч, не совсем понимая, в чем именно он усматривал противоречие. Он говорил возбужденно и страстно, желая возбудить в девушке приязнь к той музыке, которая ему нравилась – а следовательно и к себе самому: «По сравнению с вами, мы – молодая раса. На вашей планете все успокоилось, вы устроились в жизни, довольны собой. На Земле все по-другому! На Земле наступили волнующие времена – и после прибытия лектванов оживление только возросло. Здесь каждый день дышит новизной и свежестью, каждый день начинается что-то небывалое, наблюдается продвижение к цели. Мы живем, увлеченные этой стремительной в будущее, и полное надежд непостоянство отражается в нашей музыке».

Он ожидал от Комейтк-Лелианр какого-нибудь ответа. Ее мысли не поддавались прочтению.

Барч решил, что требовалась оговорка: «Точнее говоря, это дух нашего региона. На других континентах люди живут по-своему, и музыка у них другая. Китайцы, например, считают любую западную музыку маршеобразной – будь то джаз, классика, гимны, панихиды, что угодно».

Подошла официантка: «Что вы хотели бы заказать?»

«Парочку коктейлей „Том Коллинз“», – ответил Барч. Повернувшись к инопланетянке, он продолжал: «Но западная цивилизация была преобладающей движущей силой, лидирующим обществом – по меньшей мере до прибытия лектванов».

Комейтк-Лелианр рассмеялась: «На какое-то время вы забыли о нашем присутствии».

«Верно. Забыл».

«Почему вы мне об этом рассказываете?»

Поколебавшись, Барч бросился с головой в холодную воду: «Потому что я не считаю себя варваром. Земляне и лектваны равны, нравится вам это или нет. Кроме того...»

Официантка принесла два высоких бокала и поставила их на стол: «С вас доллар двадцать центов».

Барч опустил деньги на поднос.

Комейтк-Лелианр прикоснулась к бокалу, осторожно понюхала содержимое: «Что это?»

«Фруктовый сок, вода с пузырьками углекислого газа, этиловый спирт, сахар».

«Здесь содержится плоть живых существ?»

«Даже если это так – что с того? – отрезал Рой Барч. – В сущности всё, что мы едим и пьем – углерод, кислород и водород. Какое значение имеет происхождение соединений этих элементов? Кроме того, фрукт, из которого выжат сок, давно уже не был живым».

Девушка поморщилась, но попробовала коктейль: «Мне не нравится этот напиток. А стаканы стерилизованы?»

«Скорее всего, нет. Поэтому они добавляют в напитки спирт – чтобы стерилизовать стаканы».

«О!»

Они сидели в молчании. Ансамбль вернулся на эстраду, и Барч почувствовал, насколько безразлично Комейтк-Лелианр слушала музыку – за танцорами она наблюдала с такой же отчужденностью.

Расправив плечи, он слегка наклонился и сказал: «Мне очень жаль – я привел тебя сюда под вымышленным предлогом».

«Значит, здесь не будет церемоний, о которых вы говорили?» – огорчилась молодая лектванка.

«Их можно наблюдать, возможно, где-нибудь в Центральной Африке».

«В местах, удаленных отсюда?»

«О да, в местах весьма удаленных, – язвительно ответил Барч. – Там живут совсем другие люди, настолько же отличающиеся от нас, насколько...» Он хотел было сказать, «насколько мы отличаемся от вас», но прикусил язык и прихлебнул коктейль из высокого зеленого бокала.

Указав на негра, сидевшего за соседним столиком, он прибавил: «Этот человек происходит от африканцев».

«Неужели? Он практически ничем не отличается от вас – разве что цветом кожи. Он участвует в обрядах, о которых вы упоминали?»

«Нет – конечно, нет. Он родился и вырос в нашем обществе. Время от времени, однако, он подвергается неприятной дискриминации». Чуть помолчав, он раздраженно прибавил: «Так же как земляне, насколько я понимаю, подвергаются дискриминации на Лектве».

Комейтк-Лелианр поджала губы, поворачивая пальцами бокал то в одну, то в другую сторону. Барч заметил, что ее бокал полон: «Тебе настолько отвратителен этот напиток, что ты не можешь его пить?»

Девушка безразлично взглянула вниз, приложила губы к трубочке и отпила несколько глотков: «Теперь я должна почувствовать возбуждение?»

«Не думаю. Для этого нужно выпить еще два или три таких коктейля».

Лектванка покачала головой: «На это я не соглашусь». Поднявшись на ноги, она сказала: «Давайте уйдем отсюда».

Барч угрюмо проводил ее на улицу и обратно к воздушной яхте. Едва сдерживая возмущение, он предложил: «Если тебя интересуют отвратительные зрелища, я мог бы показать тебе поединок профессиональных боксеров или борцов, хотя предпочел бы без этого обойтись».

Комейтк-Лелианр пожала плечами: «Тогда мы вернемся домой». И она прошла в кабину через прозрачный корпус яхты.

Глава III

Яхта поднялась в ночное небо и автоматически повернула в сторону куполов Маркеля, оставшихся далеко на юге. Авеню Сан-Пабло превратилась в сверкающую артерию, наполненную плывущими искрами фар. Сверху Млечный Путь выделялся на черном бархате пространства поясом из миллионов светящихся пылинок-звезд.

Машина летела на юг над огромной центральной долиной. Города стали мутными пятнами света за кормой – теперь звезды горели еще ярче.

Комейтк-Лелианр тихо сказала: «Отсюда видно солнце Лектвы, рядом с яркой голубой звездой...»

«Это Спика».

«Чуть выше и левее – бледная звездочка. Это наше солнце, Скиль».

Рой Барч присмотрелся в указанном направлении без особого любопытства: «Возникает впечатление, что ты тоскуешь по родной планете».

Девушка кивнула: «Здесь, в чужом мире, нет никого из моих друзей. Я поспешила заняться исследованиями, чтобы отвлечься, чтобы забыть об одиночестве».

Барч погрузился в неловкое молчание.

Прямо по курсу, над самым горизонтом, в небе зажглась яркая зеленая вспышка. Комейтк-Лелианр испуганно ахнула и резко выпрямилась на сиденье.

Барч тоже насторожился: «Что случилось?»

«Не знаю...» – девушка до упора вдавила черный стержень в серебряный шар.

По полоске альтиметра быстро побежали тени. Комейтк-Лелианр напряженно обхватила руками колени; Рой Барч тревожно смотрел вперед. Под ними промелькнули заснеженные вершины гор; уже через несколько секунд появились хрустальные купола Маркеля – тускло освещенные, мирные и спокойные.

Воздушная яхта замедлилась и опустилась на стеклянную террасу.

Комейтк-Лелианр быстро выскочила из кабины. Барч последовал за ней. На террасе девушка застыла, как статуя. Барч начинал не на шутку беспокоиться: «В чем дело? Что происходит?»

«Не знаю. Что-то случилось – что-то ужасное...»

Барч направился по террасе к главному куполу. Под его ногами в синем стекле светились зеленоватые волокна.

Неподалеку лежало что-то темное, какая-то фигура. У Барча перехватило дыхание – он подбежал к телу и медленно опустился на колени: Дарран! Барч не мог поверить своим глазам. Клод Дарран – мертвый, безответный? Немыслимо!

У него за спиной выросла тень – Комейтк-Лелианр. Рой Барч с трудом поднялся на ноги, как оглушенный, и прошел еще несколько шагов вперед – не больше четырех. И снова наткнулся на темную фигуру – на этот раз маленькую, беспорядочно раскинувшую руки и ноги. Сиа-Спедз! Комейтк-Лелианр начала истерически задыхаться. Шея Барча похолодела, словно налитая льдом. Он начал было опускаться на колени у несчастных останков младшей сестры, но тут же поднялся и увлек девушку подальше, к балюстраде.

«Клау... – выдавила она шепотом. – Они здесь... прилетели на Землю».

Барч нерешительно вглядывался в темноту, ощущая беспомощность. На самом деле он не хотел ничего выяснять, боялся оказаться лицом к лицу с убийцами из другого мира. Где-то внутри хрустального купола послышался глухой звук удара. Комейтк-Лелианр ахнула и бросилась ко входу в купол.

Ноги Барча судорожно двигались сами собой: отеснив девушку, он опередил ее и приблизился к тускло освещенному порталу. Осторожно заглянув внутрь, он не заметил ничего,

кроме пары предметов мебели. Всхлипывая, Комейтк-Лелианр прижалась к его спине. Барч проскользнул внутрь; девушка обогнала его, подбежала к чему-то вроде завесы зеленоватого дыма, отбросила ее в сторону взмахом руки и оцепенела в странной позе, приподняв руки и не закончив шаг.

Барч заглянул через ее плечо – на полу лежали два золотистых тела.

Вокруг было много крови, собравшейся в соединенные струйками лужи. Барч взял девушку за плечи и заставил отойти назад.

Она бормотала: «Нужно связаться...» Пошатываясь, она пересекла помещение и открыла еще один портал. За ним валялись еще два трупа – гости Маркеля. А за коммуникационным пультом сидело большое черное существо. Лицо его поросло жесткой черной щетиной, глаза блестели, как полированный черный янтарь с четырехлучевыми красными звездами посередине.

Клау уставился на Барча; ноги Барча онемели, одеревенели. Недовольно ворча, клау поднялся, сжимая в руке тяжелый черный кинжал.

Покрывшись испариной, Барч отступил и прислонился спиной к стене. Клау занес руку, державшую кинжал. Барч успел схватить черную шершавую кисть, уперся ступней в живот противника и резко распрямил ногу. Клау пошатнулся и с глухим ревом упал на спину.

Оскалившись, как волк, Барч наступил всем весом на мясистую шею убийцы. Сильные черные руки схватили его за лодыжку – Барч терял равновесие.

Послышались шипение, короткое булькающее урчание. Пальцы клау отпустили Барча и сжались в кулаки, четырехконечные красные зрачки разгорелись, потускнели, сжались и потухли.

Комейтк-Лелианр распрямилась, отпустив кинжал, торчавший в черной груди.

«Пойдем, нужно уходить! – задыхаясь, выпалила она. – Он не один!»

Девушка побежала к выходу. Барч задержался, чтобы выдернуть кинжал. Он услышал приглушенный писк, поднял голову и успел заметить надвигающуюся черную пелену. Его обволокло что-то тяжелое и мохнатое. Его свалили с ног и куда-то понесли, как завернутого в пеленки младенца.

Крепко державшие Барча руки раскачали его, подбросили и отпустили. Он падал, головокружительно падал – секунду за секундой, минуту, километр за километром...

Лихорадочно изворачиваясь и пинаясь, Барч сумел освободиться от ворсистой пелены. Свободное падение продолжалось... Странное дело! В ушах не шумел ветер, напор воздуха не чувствовался. Барч замер – руки и ноги неподвижно повисли. Да, он висел во мраке, в наполненном воздухом пространстве. Иллюзию падения создавало отсутствие силы притяжения. Теперь глаза начинали приспособляться к темноте. Он различил стены, тускло озаренные красновато-коричневым свечением – так, словно они раскалились докрасна. Но воздух был холоден, лицо не ощущало тепла.

У него над головой безмятежно парила Комейтк-Лелианр. Он поймал ее за лодыжку и притянул к себе. Глаза девушки были закрыты.

Барч расслабился, как усталый пловец, выбравшийся на берег. События происходили слишком быстро. Барч даже усомнился: может быть, он спит и видит дурной сон? Действительность просто не могла быть настолько фантастической. Он больно ущипнул себя, но это ни к чему не привело. Нет, он не спал.

Озираясь по сторонам, Барч понял, что плавает в воздухе посреди яйцевидной камеры со сплошными стенами, без каких-либо признаков выхода. Он скорее чувствовал, нежели слышал, дрожь какого-то монотонного звука – настолько высокого, что его почти нельзя было уловить.

Барч закрыл глаза. Он хотел заснуть, обо всем забыть, ничего не замечать... Рядом что-то пошевелилось. Комейтк-Лелианр очнулась. Лектванка сразу стала вести себя так, словно окру-

жающее ее нисколько не удивляло. Она ошупала голову, облизала губы, посмотрела вокруг. Взгляд ее безразлично остановился на Барче.

Он спросил, стараясь изображать спокойствие: «Где мы?»

«В звездолете клау».

«Куда нас везут? Почему нас не убили?»

Комейтк-Лелианр пожала плечами: «Трупы бесполезны. Скорее всего, нас везут на Магарак».

«Магарак?»

«Это их промышленный центр».

«Но...»

«Теперь мы – рабы».

«А!» – перед глазами Барча, подобно цветным слайдам, пронеслись земные сцены и пейзажи. Все, что он потерял. Все, что он уже никогда не увидит. Больше не пытаясь скрывать тревогу, он поинтересовался: «И как там живут, на Магарак?»

«Там темно, сыро и холодно».

Барча охватил приступ ярости – он винил в случившемся Комейтк-Лелианр и всех лектванов. Почему он должен быть жертвой их раздоров с другой инопланетной расой?

«Почему лектваны не сделают что-нибудь, чтобы избавиться от клау?»

Комейтк-Лелианр полупрезрительно улыбнулась: «Лектваны живут на трех планетах, а клау владеют сорока двумя. В характере войны между нашими расами вам, скорее всего, было бы трудно разобраться досконально – это многовековой конфликт, от него зависит сохранение нашей нравственной жизнеспособности. В конечном счете мы, конечно, победим. Тем временем люди гибнут и страдают». Она пожала плечами: «Вселенная несовершенна».

«Это очевидно», – отозвался Барч. Земля внезапно представилась ему маленькой и ничтожной, буколической провинциальной глубинкой на окраине космических империй: «Так что же? Нам предстоит провести остаток жизни на Магарак?»

Девушка не ответила. Барч отчаянно разглядывал тускло светящиеся стены: «Нас не выкупят? Мы не можем убежать?»

Комейтк-Лелианр произнесла с расстановкой – так, будто говорила с ребенком: «Выкуп невозможен – между лектванами и клау нет никаких структур обмена. Клау располагают энергетическими мощностями, сырьевыми материалами, техническими навыками. Но для них самый ценный товар во Вселенной – трудовые ресурсы. Клау оценивают благосостояние в зависимости от количества рабов».

«А побег?»

Лектванка пожала плечами: «Недавно двенадцать рабов-ленапи спрятались в поддельной полости грузового звездолета и добрались до Маха-Триады. Если им удастся вернуться домой, на Лено, репутации клау будет нанесен ущерб. Если же их сумеют поймать, клау продемонстрируют другим рабам на примере беглецов, насколько нежелательны последствия неподчинения».

«Таким образом, покинуть планету рабов почти невозможно».

«Совершенно верно».

Прошло, наверное, не меньше двух суток. Три раза на стенах камеры вздувались пузыри – пузыри лопались, впрыскивая в камеру порции серой каши.

Комейтк-Лелианр полностью замкнулась в себе. Она не говорила с Барчем, не обращала внимания на еду. Наконец Барч приблизился к ней, оттолкнувшись от стены: «Если ты не будешь есть, ты ослабнешь. Ты можешь заболеть».

Она сонно взглянула на него: «Ну и что?»

Барч раздраженно нахмурился: «Что с тобой? Ты уже сдаешься?»

«А что еще остается?»

«Нужно сохранять уверенность в себе».

«Мы – рабы, – тихо сказала девушка. – Рабам ни к чему самоуверенность».

«Я – не раб, пока не почувствую себя рабом».

Внутри лектванки словно порвалась сдерживающая нить. Ее голос стал резким, торопливым: «У вас нет никакого представления о том, что вас ждет на Магараке. Вы отказываетесь думать, руководствуясь предварительно сфабрикованными эмоциональными шаблонами, заменяющими мыслительный процесс. И, что еще хуже, вы пытаетесь исказить реальность в соответствии со своими предрассудками».

«Все это я уже слышал, – бесцветным тоном отозвался Барч. – Время от времени „эмоциональные шаблоны“ позволяют изменять реальность в свою пользу. И знаешь, почему?»

«Почему?»

«Потому что ни ты, ни я на самом деле не понимаем реальность целиком и полностью. Мы не знаем, какой именно „эмоциональный шаблон“ точно ей соответствует. Так или иначе, возможно это или невозможно, если существует какой-нибудь способ сбежать из концентрационного лагеря на Магараке, я постараюсь им воспользоваться – и, если получится, возьму тебя с собой».

Она устало ответила: «Ваши планы сформулированы слишком расплывчато. Вы не можете сбежать с Магарака только потому, что хотите сбежать».

Барч мрачно рассмеялся: «Без желания сбежать невозможен никакой побег, это бесспорно. Двенадцать ленапи сбежали, не правда ли?»

«Вы недооцениваете разницу: ленапи – высокоразвитая раса. Они хорошо понимают, как организовано производство на Магараке. Кроме того, порученные им функции позволяли им контролировать выращивание звездолета, на котором они улетели».

«Выращивание?»

«Конечно. Звездолеты выращивают – так же, как на Земле выращивают капусту. Ленапи – специалисты во всем, что касается прогрессирующего синтеза материалов. У себя на Лено они выращивают жилища, морские суда, воздушные корабли. На Лектве, кстати, многие машины и транспортные средства тоже изготавливают методом органического роста».

Барч усмехнулся: «Что и говорить, наши подходы принципиально несовместимы. На Земле мы выращиваем пищу и собираем звездолеты из компонентов. Вы выращиваете звездолеты и собираете из компонентов пищу».

Комейтк-Лелианр апатично возразила: «Выращивать корабли проще, чем строить. Если бы вы разбирались в проектировании звездолетов, вы осознали бы преимущества нашего подхода».

«К черту звездолеты, ленапи и капусту! Найдется еще какой-нибудь способ сбежать с Магарака».

«Какой? – лектванка отозвалась скорбным смешком. – Вы ничего не знаете о Магараке. Вы не можете даже вообразить себе Магарак. Неужели вы думаете, что незаметно улететь с планеты так же легко, как убить охранника и перепрыгнуть через ограду?»

«Я не утверждаю, что добьюсь успеха. Но я попытаюсь».

Она улыбнулась: «Ах, да. Раскрепощенная изобретательность молодой расы».

Барч покосился на нее почти неприязненно: «Называй это как хочешь. Может быть, когда раса становится слишком древней, как лектваны, она дряхлеет, киснет и теряет волю к жизни».

«Все может быть», – лектванка потянулась, разминая руки и ноги. Помолчав, она обернулась и взглянула на него с новым интересом: «В любом случае, ваш оптимизм заразителен».

Барч усмехнулся. Когда-то – уже, казалось, давным-давно – Клод Дарран придерживался совсем другого мнения о способности Барча выражать оптимизм.

Словно угадав его мысли, Комейтк-Лелианр пробормотала: «Как странно ветвятся и переплетаются волокна судьбы в суспензии времени-пространства! Всего лишь три дня тому назад...»

Барч впервые увидел, как на ее глаза навернулись слезы.

Шло время.

Без всякого предупреждения непроницаемая скорлупа яйцевидной камеры раскололась. Хлынул слепящий белый свет, сопровождаемый волной шума и неразберихой темных фигур. Свет погас, стены снова сомкнулись. Камера тут же наполнилась неприятным запахом преющей живой плоти.

Барч прижался спиной к стене. Прибавились восемь узников – шестеро мужчин и две женщины: сутулые бледнокожие существа с влажными и сморщенными в складки, как у бульдогов, лицами. На них были поношенные темно-серые рубахи и штаны до колен, длинные кожаные чулки и обувь, напоминавшая сгустки желтоватой резины.

Комейтк-Лелианр произнесла без всякого выражения: «Модоки. Мне казалось странным, что в трюме нас оставили одних».

Барч опасливо наблюдал за новоприбывшими. На их лицах не отражались какие-либо эмоции. Они обменялись несколькими хриплыми фразами, после чего наступила мертвая тишина – модоки разглядывали Барча и девушку-лектванку.

Комейтк-Лелианр заметила, с примесью некоторого оживления в голосе: «На первый взгляд я приписала бы им индекс 14—90 по эпигностической шкале культурного развития. Следует учитывать характерный материал их одежды: прочный, формованный, а не тканый; их обувь тоже сформована непосредственно на ступнях и не снимается. Скорее всего, это аграрные рабы лорда-технолога»

Барч хмыкнул, не выражая никакого мнения.

Лектванка монотонно продолжала: «Широко распространенный во Вселенной тип. Их судьба мало изменится – к лучшему или к худшему».

«Хотел бы я знать, сколько еще нас продержат в этом трюме», – проворчал Барч.

«Вам не терпится увидеть Магарак?»

«Нет, но мне не нравится запах этих... модоков».

«Через некоторое время вы пожалеете о том, что покинули камеру».

«Ты думаешь, нас разлучат?»

«Несомненно, – все тем же бесцветным тоном отозвалась она. – Прежде всего рабов сортируют, приблизительно оценивая их интеллектуальный уровень. Их заставляют перемещаться вдоль испытательного трека, оборудованного скрытыми капканами, опасными ловушками, препятствиями, источниками болезненных ощущений и другими подобными устройствами, способность избегать которых свидетельствует о сообразительности испытуемых. После первоначального отбора рабов низших сортов классифицируют в зависимости от состояния здоровья, телосложения, ловкости и сноровки». Комейтк-Лелианр взглянула на группу модоков: «Этих, скорее всего, отправят в грязевые топи на побережье Ксольбоарского моря – там производится крупномасштабная мелиорация, поглощающая тысячи трудовых единиц в год».

«А что сделают с нами?»

«Возможности неисчислимы».

Барч задремал и проснулся, услышав грубые хриплые голоса. Он инстинктивно пригнулся, прикрыв голову руками, но постепенно успокоился. Два раба подрались, неуклюже пытаясь расцарапать друг другу ничего не выражающие морщинистые лица. Остальные модоки, мужчины и женщины, критически наблюдали за происходящим.

«Отвратительные животные!» – обронила Комейтк-Лелианр.

Один из драчунов неожиданно перестал сопротивляться. Другой уперся обеими ногами в его широкую спину и рывком потянул на себя его голову. Глаза сдавшегося выпучились, шейные позвонки треснули. Модоки-зрители принялись шумно обсуждать результат поединка.

«Из-за чего они поссорились?» – в полном недоумении спросил Барч.

«Кто знает?»

«Смотри!»

Две женщины награждали победителя звонкими оплеухами – тот безропотно выносил эти шлепки. В конце концов он приподнял руки, словно признавая поражение, приблизился к мужчине-зрителю, схватил того за шею и стал колотить его головой об стену до тех пор, пока разбитый череп не превратился в желеобразное месиво. Некоторое время женщины яростно ругались, но вскоре, судя по всему, потеряли интерес к размолвке. Никто не обращал никакого внимания на неподвижно повисшие в невесомости трупы. Некоторые, бросив мрачные взгляды в сторону Барча и Комейтк-Лелианр, перекинулись парой односложных слов и замолчали.

Барч задумчиво произнес: «Что, если...» Он оценивающе взглянул на девушку-лектванку: «По-твоему, как будут содержать модоков на Магараке?»

Комейтк-Лелианр удивилась такому вопросу: «Не имею ни малейшего представления. Лектваны почти ничего не знают об индустриальных мирах клау. Можно допустить, однако, что за туповатыми аграрными рабами следят не так бдительно, как за рабами-техниками».

«Что, если клау найдут мертвые тела в твоей и в моей одежде...»

Комейтк-Лелианр содрогнулась: «Вы хотите, чтобы я напялила тряпье модока?»

«Нам нечего терять – но мы могли бы кое-что приобрести».

Девушка покачала головой: «Не вижу никакой причины...»

«Если нас отправят в грязевые топи, мы останемся вместе!»

«О! – молодую лектванку посетило озарение. – Раскрепощенная изобретательность, безрассудное сопротивление судьбе...»

«Вот именно, – мрачно отозвался Барч. – Если бы я не мог ничего сделать, оставалось бы только покориться судьбе. Так что же, ты готова рискнуть?»

Лектванка пожала плечами: «Мне все равно».

Барч побагровел: «Если ты предпочитаешь остаться одна, достаточно об этом сказать».

«Нет, Рой. У меня нет возражений против вашего присутствия».

«И на том спасибо!» – прорычал Барч.

Девушка улыбнулась: «Может быть, нашим спутникам не понравится экспроприация одежды их погибших родичей».

«Этот вопрос скоро решится сам собой».

Оттолкнувшись от стены, Барч приблизился к ближайшему мертвецу и, вызываясь взглядом в каждое из шести белых морщинистых лиц модоков, начал стаскивать с тела серую рубаху.

Послышалось тихое бормотание, черные глаза модоков широко раскрылись и пристально следили за действиями Барча. Никто, однако, не сдвинулся с места. Под свободной рубахой оказался плотно облегающий кожу комбинезон посветлее, из прессованного волокна. «Этот меньше ростом, – сказал Барч девушке-лектванке. – Давай сюда свою одежду».

Комейтк-Лелианр выскользнула из белого с черными ромбами наряда и брезгливо натянула темно-серые штаны и рубаху.

Барч раздел второго мертвеца-модока, оставив на нем исподний светло-серый комбинезон. Сжимая ноздри, чтобы не чувствовать запах прокисшего пота, Барч натянул через голову рубаху сельского раба.

Около стены возникло какое-то движение. Барч резко обернулся: один из модоков-мужчин ощупывал материал земного пиджака. «Прощай, мой добротный вельветовый костюм!» – подумал Барч. Решительно отобрав пиджак у модока, он начал надевать его на труп.

Бормотание наблюдателей становилось громче. Старшая женщина издала яростный клокущий вопль; другая изобразила какой-то жест, приложив к губам растопыренные пальцы. Игнорируя шум, Барч застегнул пиджак и принялся вставлять ноги мертвеца в брюки. Ноги оказались слишком коротки – брюки смехотворно протянулись дальше желтоватых комков резины, служивших модоку обувью.

Краем глаза Барч заметил, что Комейтк-Лелианр ловко облекла второй труп в свой арлекинский костюм. Повернувшись, он критически оценил ее блестящую серебристую шевелюру: «Из тебя не выйдет типичная аграрная рабыня».

Озираясь по сторонам, Барч увидел на голове одного из модоков мягкий конический колпак. Оттолкнувшись от мертвеца, Барч приблизился к этому рабу, протянул руку и схватил колпак. Модок сначала неуверенно прижимал колпак к голове, не желая с ним расставаться, но почти сразу же испуганно отпустил его, лихорадочно дрожа и выпучив глаза.

Женщины что-то одобрительно прокудахтали.

Барч напялил колпак на платиновые волосы лектванки. «Так-то будет лучше!» – произнес он, снова оценив ее внешность. Обернувшись в сторону модоков, он прибавил: «Странный они народец, с причудами».

«Все относительно, – отозвалась Комейтк-Лелианр. – С их точки зрения наше поведение тоже необъяснимо».

Барч взглянул на свои ботинки и на сандалии лектванки: «Ты думаешь, наша обувь не слишком бросается в глаза?»

«Не могу сказать».

Звездолет дрогнул, откуда-то из глубины корабля послышался лязгающий перезвон, подобный бряцанию якорной цепи, падающей в клюз. «Что это?» – спросил Барч.

«Не знаю. Может быть, мы уже прибыли».

«В таком случае мы вовремя переоделись».

Корабль снова вздрогнул, еще сильнее; красноватое свечение стен трюма пульсировало, становясь то ярче, то тусклее. Через несколько секунд стена камеры раскололась. Сила тяжести навалилась на десять тел – восемь живых и два мертвых. Все они соскользнули по плавно изогнутым стенам трюма, вместе с накопившимися в полете мусором и экскрементами, в горловину образовавшегося желоба. Свежий воздух обдал их лица холодом, тишина сменилась ревающим шумом.

Внезапный яркий свет заставил Барча зажмуриться, от непривычного воздействия гравитации дрожали колени. «Эллен! – кричал он. – Эллен, ты где?»

Часто моргая, он озираясь по сторонам. Их сбросили в обнесенный оградой загон. Комейтк-Лелианр стояла в нескольких шагах, стараясь удержать на голове колпак – его хотел отнять первоначальный владелец этого головного убора. Прихрамывая, Барч поспешил к этому модоку и ударил его кулаком в висок.

Что-то ужалило его в шею и разгорелось, как жгучее пламя. Барч рывкнул и оглянулся. Сверху, на наклонном переходе за оградой, стоял невероятных размеров человек с кроваво-красной кожей. У него на голове торчали во все стороны длинные черные шипы, похожие на иглы дикобраза. В его в глазах, так же, как у клау, светились красные четырехлучевые звезды; в руках он держал трубчатый инструмент, в отверстии которого мелькала змейка искристого разряда – вверх и вниз, наружу и внутрь.

Багровый гигант что-то проревел Барчу звенящим, как труба, голосом и пригрозил своей электрической плетью. Внимание надсмотрщика привлек беспорядок в соседнем загоне – он спустился по переходу громоздкими шагами. Искристая змейка вырвалась и кого-то ужалила: послышался короткий возглас боли.

Ошеломленный и возмущенный, Барч встал бок о бок с Комейтк-Лелианр, помотал головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее замешательство, и гневно воззрился на расшагивающих сверху краснокожих надзирателей.

Прямо над головой распахнулся люк желоба – посыпалась лавина тел. Потянув за собой лектванку, Барч бросился к ограде, подальше от копошащейся посреди загона толпы, и перевел дыхание только тогда, когда убедился в безопасности девушки.

Разгрузка звездолета продолжалась. Мужчины и женщины, кувыркаясь, соскальзывали по желобам из отверстий трюмов, падая на распластавшиеся под ними вопящие тела.

За огромным корпусом корабля Барч заметил силуэты двух других звездолетов; за ними темнел фасад небоскреба чуть ли не двухкилометровой высоты – его верхняя часть почти растворялась в облачном тумане. Воздух наполнял непрерывный рев, напоминавший шум прибоя; в загонах пахло грязью, ржавчиной и мочой.

Комейтк-Лелианр безразлично сказала ему на ухо: «Нас не рассматривают в качестве ценного груза. Нас заставят тяжело работать, и мы скоро умрем».

Рой Барч раздраженно огрызнулся: «Похоже на то, что тебя это нисколько не волнует».

Лектванка пожала плечами: «Я знаю, чего следует ожидать. Мы на Магараке».

«Я почти оцепенел от страха», – признался Барч.

Девушка пожала плечами: «Надлежащая коррекция эмоций позволяет избавиться от страха».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.